

Абстракция деятельности в труд — это создание мужчины-работника и диморфизация сексуальности.

Труд конституируется его отделением или абстрагированием от жизнедеятельности. Данное разделение поддерживается радикальным подчинением жизнедеятельности требованиям труда. Жизнедеятельность (рождение детей, их воспитание, получение и приготовление пищи и т.д.) продолжает существовать вне *непосредственного* господства производства стоимости, но её подчинение труду обеспечивается её же зависимостью от заработной платы рабочего (или продажи других произведенных товаров).

Конституция труда — это конституция новой иерархии между трудом и другими видами деятельности^[1]. Создание рабочего есть в то же время создание новой иерархии между ним и теми, чья главная ответственность состоит в выполнении других видов воспроизводящей деятельности. Другими словами, примитивное накопление — это жестокое и кровавое создание новой иерархии между мужчинами и женщинами.

Это не значит, что в докапиталистических обществах не существовало патриархата — но не существовало такого же разделения труда и других видов деятельности, такой же зависимости других видов деятельности от заработной платы. Так, Федеричи говорит о феодальной деревне:

Крепостные женщины были менее зависимы от своих мужских родственников, менее дифференцированы от них физически, социально и психологически и были менее подчинены мужским потребностям, чем "свободные женщины", которые должны были возникнуть позже в капиталистическом обществе ... В феодальной деревне не существовало социального разделения между производством товаров и воспроизводством рабочей силы; весь труд обеспечивал пропитание семьи. Женщины работали в поле, а кроме того воспитывали детей, готовили, стирали, пряли и ухаживали за огородом; их домашняя деятельность не была обесцениваема и не включала в себя социальные отношения, отличные от таковых у мужчин, как это было бы позже в денежной экономике ... Если также учесть, что в средневековом обществе коллективные отношения преобладали над семейными, и большая часть задач, которые выполняли крепостные женщины ... выполнялась в сотрудничестве с другими женщинами, то мы бы понимали, что разделение труда по половому признаку было не только источником изоляции, но и источником власти и защиты для женщин (Federici 2004: 25).

Это радикально меняется в последующие века. Одна конкретная деятельность (труд) была отделена от других, обычно сосредоточением в другом месте (фабрика) — и это рассматривалось, как мужская деятельность. Женщины продолжали руководить деятельностью по воспроизводству, но они больше не имели прямого доступа ни к земле для выращивания сельскохозяйственных культур, ни к общей земле для выпаса скота, ни к такой же совместной поддержке со стороны других женщин. В денежной экономике заработная плата мужчины

определяла условия существования семьи, и работа по воспроизводству стала рассматриваться как несущественная. Женщины были отрезаны от оплаты труда различными способами: исключением из оплачиваемых видов работ, получением гораздо более низкой заработной платы за наёмный труд, и даже нередкими случаями выплаты заработной платы женщины непосредственно её мужу (Federici 2004: 98).

Создание новой иерархии далось нелегко. Это означало переосмысление роли женщины в обществе и переосмысление того, что значит быть женщиной. Для этого потребовались столетия борьбы, включавшей принятие законов об ограничении прав женщин, вмешательство церковей, бесчувственность, жестокость и в лучшем случае сговор мужественных (и маскулинизированных) наёмных рабочих и, что особенно важно, убийство более ста тысяч женщин, осуждённых как ведьм, пытки многих и многих других и запугивание миллионов. Вот как женщины были превращены в невидимых не-лиц. Капитализм был построен на жестоком и кровавом женоненавистничестве.

Это тоже было огораживанием: не только от тел женщин^[2], но и от их дел. Деятельность созданной женщины/домохозяйки напрямую не ограничивалась наёмным трудом, но достаточно эффективно сдерживалась в рамках ограничений обслуживания и воспроизводства наёмного труда. Первоначальное накопление включало двойную персонификацию: персонификацию труда и персонификацию помощника труженика. Это двойное сдерживание было (и остаётся) двойным увечьем^[3], созданием двух личностей, двух идентичностей (которые должны быть приняты или против которых нужно бороться).

Данное увечье носит иерархический характер. Создание труда — это создание мужчины-рабочего. Это относится не к половому составу рабочей силы, а к процессу увечья, вовлеченному в создание капиталистического рабочего. Женщина, вступающая в мир наёмного труда, вступает в мир, где подчас трудно различить мужскую логику и логику капитала.

Увечье идёт еще дальше: это не просто установление иерархии между мужчинами и женщинами, но само создание женщин и мужчин. Сексуальность занимала центральное место в охоте на ведьм, которая была столь важным элементом перехода к капитализму. Одним из элементов охоты на ведьм была война против контроля женщин над своим собственным телом и собственной фертильностью: всё, что связано с контрацепцией или абортom — даже знание трав и умение их применять, было достаточным, чтобы заложить основу для обвинения в колдовстве. Сексуальные извращения также занимали видное место в обвинениях, выдвинутых против ведьм^[4]. Можно рассматривать эти обвинения лишь как часть зрелища и легитимации ужасной резни стольких женщин (мужчин тоже, но в основном женщин), но можно также утверждать, что подавление сексуальных извращений было важной и необходимой частью абстракции труда, перехода к капитализму.

Извращение относится ко всему, что рассматривается в качестве ненормального, поэтому преследование извращения означало в то же время насильственное конституирование новой нормальности. Эта нормальность сосредоточена на сексе, как на деторождении или

потенциальном деторождении, так что любая другая форма сексуальности определяется как извращение:

Суды над ведьмами дают поучительный список запрещённых, как «непродуктивные» форм сексуальности: гомосексуализм, секс между молодыми и старыми, секс между людьми разных классов, анальный половой акт, половой акт сзади (предположительно не приводящий к беременности), нагота и танцы. Также была запрещена общественная, коллективная сексуальность, которая преобладала в средние века, имевшая место на весенних фестивалях языческого происхождения, в XVI веке всё ещё отмечавшихся по всей Европе (Federici 2004: 194).

Новая сексуальная нормальность, несомненно, была связана с поощрением воспроизводства обильного запаса рабочей силы (там же: 85 и далее), но он также был частью сотворения *рабочего*, этой увечной персонификации абстрактного труда. Создание рабочего предполагало необходимое подчинение принципа удовольствия принципу реальности, и не только принципу реальности, который является частью жизни в любом социальном контексте, но и принципу усиленной реальности или "принципу производительности" (как называет его Маркузе), который неотделим от общества, основанного на труде: «Принцип удовольствия был ниспровергнут не просто потому, что он стоял на пути цивилизации, но потому, что он противился той цивилизации, прогресс которой увековечивает господство и изнурительный труд» (Marcuse 1956/1998: 40). В данном контексте важным в сексуальном извращении является не конкретное содержание актов, а просто то, что оно провозглашает удовольствие в качестве цели секса, а это то, что несовместимо с созданием рабочего: «Вопреки обществу, использующему сексуальность как средство для достижения полезных целей, перверсии утверждают сексуальность как самоцель. Таким образом, они выносят себя за пределы власти принципа производительности и бросают ему вызов» (Marcuse 1956/1998: 50).

Нормализация секса в терминах деторождения неизбежно означает генитализацию сексуальности: секс определяется в терминах генитального контакта, который потенциально ведет к деторождению. Сексуальность, будучи полиморфной и распространенной по всему телу, сосредоточивается в гениталиях. Осуществляется «десексуализации организма, необходимая для его общественного использования в качестве инструмента труда» (там же: 48).

Обобщение сексуальности приводит к половому диморфизму^[5], к идее о том, что существует два и только два пола. Если бы сексуальность мыслилась (и чувствовалась) в терминах полиморфного удовольствия, например, прикосновения кожи к коже, то не было бы никаких причин думать о людях, как о разделённых на два пола:

Интерпретация человеческих тел в соответствии именно с двумя категориями, не более и не менее двух, логически является следствием сведения восприятия эрогенных зон тела к тем, которые функциональны в репродуктивной деятельности: сексуальная отзывчивость областей тела, не имеющих отношения к воспроизводству, отрицается и может быть табуирована. Эти "десексуализированные" области тела, таким образом, становятся неуместными и для сексуальной классификации тел. Таким образом, концепция "двух полов" — одного пола и другого пола — является следствием гетеросексуальности как

социальной нормы. В европейских обществах до нашей эры сексуальность, по-видимому, была менее чётко разделена на гетеро- и гомосексуальность. Предполагалось (или, скорее, подозревалось), что все люди совершают гомосексуальные и гетеросексуальные акты, причем гомосексуалисты будут более или менее сурово преследоваться и наказываться. Однако, начиная с XIX века, гомосексуальные акты автоматически считаются выражающими гомосексуальную природу совершающего их. Такое лицо больше не является человеком, совершающим греховные гомосексуальные (или, скорее, «содомские») акты, теперь оно «гомосексуально» т.е. становится членом определенного человеческого сообщества. Дискурс сдвигается от «нужно ли наказывать за гомосексуальные акты и каким образом?», к «подвернуть ли гомосексуалиста, как иной вид, гонению, лечить ли его или проявить к нему терпимость?» (Stoetzler 2009: 165–6).

Отсюда следует, что *женщину* и *мужчину* следует рассматривать не как трансгисторические категории, а как специфически капиталистические формы общественных отношений, родственные стоимостям, деньгам или государству^[6]. *Мужчина* и *женщина* (да и вообще *гомосексуальное* и *гетеросексуальное*) являются идентификациями, аспектами жизни идентифицирующего общества, частью увечий, участвующих в создании *рабочего*, исполнителя абстрактного труда. Классификация, с которой нужно бороться.

Труд — это абстракция, отделение труда от мира деятельности или жизнедеятельности. Эта фрагментация нашей жизнедеятельности есть фрагментация нашей жизни во всех её аспектах. Отделение сексуальности от тела в целом и её концентрация в гениталиях были исторически навязаны одновременно с абстрагированием труда. Эти процессы внесли фундаментальный вклад в создание тела как машины для труда и являются частью общего процесса абстрагирования или разделения, процесса ограничения, классификации и идентификации^[7].

Особые модели господства, таким образом, не то, что *происходит* с нами, или не то, что *они* (мужчины, капиталисты, кто бы то ни было) нам навязывают. Модели господства — то, что *мы* создаём через нашу деятельность, а также способ организации этой деятельности. Вот в чём важность критики *ad hominem* (или *ad mulierem*, или *ad humanum*) — только приведя всё обратно к нашей собственной деятельности, к нашим собственным творческим силам — только тогда мы сможем поставить вопрос о том, как нам действовать иным образом. Дело не в том, что мы *являемся* женщинами или мужчинами, гомосексуалами или гетеросексуалами: мы *делаем*, женщин и мужчин, мужественность и женственность, гомосексуальность и гетеросексуальность, не только индивидуальным выбором, но и социальным обычаем. Этот социальный обычай является частью сложного переплетения практики, паутины абстракций; но, как бы это ни было сложно, суть в том, что *мы делаем*. Мы создаём мир, который убивает нас — и если мы создаём его, то мы можем и перестать его создавать и вместо этого делать что-то другое.

1. Заметим, что отношение между трудом и другими видами деятельности, непосредственно не производящими капитал, является иерархическим, является отношением подчинения, а не просто сосуществования, как предполагает Massimo De Angelis (2007). Другими словами,

эти другие виды деятельности существуют как внутри труда, противостоят труду, лежат за его пределами труда, но не находятся вне его. Существует отношение разрыва, но не экстернальности. [↗](#)

2. См. Federici (2004: 184): «Точно так же, как огораживания лишали крестьян общинной земли, так и охота на ведьм лишала женщин их тел, которые таким образом "освобождались" от всяких препятствий, мешавших им функционировать в качестве машин для производства труда». [↗](#)
3. Как сформулировано Хоркхаймером и Адорно (Horkheimer and Adorno, 1947/1979) «что-либо ужасающее человечество было вынуждено учинять над самим собой до тех пор, пока не была создана самость, идентичный, целенаправленный, мужской характер человека, и нечто от этого все ещё повторяется детством каждого», цитирует Krisis Gruppe (1999/2004: 18, с. 7). [↗](#)
4. См. Federici (2004: 192–8) об охоте на ведьм и капиталистической рационализации сексуальности, её комментарий (192) о том, что «охота на ведьм ... была первым шагом на долгом пути к "чистому сексу на чистых простынях" и превращению женской сексуальной активности в работу, служение мужчинам и деторождение». [↗](#)
5. Тем не менее, примерно один человек из тысячи рождается с гениталиями, которые явно не являются ни женскими, ни мужскими; в этих случаях определение как мужского или женского рода часто осуществляется медицинским вмешательством (Baird, 2007: 124 и далее). См. комментарий Бэрда (там же, 133): «Так называемая биологическая грань между мужчиной и женщиной, откровенно говоря, довольно расплывчата». [↗](#)
6. Это не значит, что женщины и мужчины не существовали до капитализма — это значит, что специфическая сила их разделения и классификации свойственна капитализму. Так, например, самопрезентация женщин как мужчин стала рассматриваться в качестве преступления только с приходом капитализма. [↗](#)
7. Этот процесс можно рассматривать как подавление Дионисического: см. Ehrenreich (2007). [↗](#)